

Фото из архива Международного общества «Мемориал»

25.06.2014, 09:00

СТАТЬИ

Административный арест и уголовная статья: как это делалось в СССР

ОВД-Инфо публикует авторизованный текст выступления члена Правления Международного общества «Мемориал» Александра Даниэля в дискуссии на тему «Политически мотивированные задержания: статус задержанных и стратегии защиты» в рамках проекта «Политзаключенные: вчера и сегодня» Научно-информационного центра «Мемориал». Выступление было посвящено преследованию участников протестных акций в СССР. Текст уточнен и исправлен выступавшим специально для публикации. Той же теме посвящено [исследование](#)

историка, сотрудника архива Международного общества «Мемориал» Алексея Макарова.

Меня просили дать маленькую историческую справочку о том, как это делалось в поздний советский период. Попытаюсь коротко ответить на этот вопрос.

Если говорить о временах советских диссидентов, то административный арест — это вообще была не очень распространенная форма репрессий. Наверное, потому что публичные акции — разной степени публичности, от митингов на площадях до квартирных семинаров или конференций, — были не самой распространенной формой протестной активности. Все-таки самой распространенной формой в диссидентский период были тексты. А за тексты либо сажали, либо не сажали (бывало и так, и так), либо высылали из страны — но во всяком случае не административный арест за них давали. Конечно, были категории, которые чаще других прибегали к публичным формам гражданской активности; для них и риск административного ареста был выше. Особенно этим отличались евреи-отказники. Они очень любили устраивать публичные голодовки на Центральном телеграфе или пикетировать ОВиР (а то и ЦК КПСС), или проводить международные научные семинары на частных

квартирах. И вот тут власти довольно регулярно прибегали к административным арестам. Крымские татары тоже часто устраивали митинги: и в Узбекистане, и в Москву приезжали митинговать на Старую площадь. Или, например, такая категория, как баптисты-инициативники. Им, извините за плоский каламбур, сам Бог велел: молитвенное собрание, на открытом воздухе или даже в частном доме, — это ведь тоже «публичное мероприятие». Приходила милиция, хватала самых активных и без проблем оформляла им и административное задержание, и административный арест.

В остальных случаях административные аресты носили, чаще всего, превентивный характер. Это делалось не по ходу акции, а заранее. Например, запланировали отказники какой-нибудь семинар международный, а накануне им всем оформили по пятнадцать суток, под разными предлогами. Или, например, знаменитый визит Никсона в Москву в мае 1972 года: власти на ушах стояли — как же, первый визит американского президента в СССР со времен войны — и очень боялись каких-нибудь публичных акций со стороны этих самых евреев-отказников. Вот самых активных из них и похватывали загодя, распихали по всем

ментовкам Подмоскovie, и сидели они там все время, пока Никсон был в Москве. Такие превентивные административные аресты практиковались перед праздничными днями 7 ноября и 1 мая. Случались они и во время громких политических процессов, когда народ собирался толпиться около здания суда, — а некоторым толпиться не давали, брали их и сдавали на пять суток, или десять, или пятнадцать. А иных просто блокировали в квартирах. То есть ты выходишь из квартиры, собираешься идти на митинг 5 декабря, на Пушкинскую площадь, а у тебя на лестнице стоят два лба-оперативника и говорят: «Вам сегодня не надо никуда выходить, давайте назад». Конечно, были и другие превентивные меры: госпитализация в психушку, если ты на диспансерном учете стоишь; а московских или питерских диссидентов, которые где-нибудь служили, на «критические дни» довольно часто отсылали в разные бессмысленные командировки.

Что касается собственно митингов и демонстраций диссидентских, то, как я говорил, их было мало — ну, были некоторые традиционные даты типа 5 декабря (еще пара случаев была, связанных с 5 марта, годовщиной смерти Сталина).

И практиковались задержания — и во время

митингов, и после митингов — конечно, случались. Особенно если кто-то во время митинга влез на парапет и начал речь толкать — того почти наверняка задержат. Или плакат поднял. И после митингов задерживали: народ расходится, а его у метро хватить и в милицию. Но, как правило, отпускали через несколько часов. Это не был административный арест, это было задержание, причем не очень понятно — иногда, может быть, просто для установления личности, а иногда, наоборот, потому, что личность очень хорошо знакома. Бывало, учиняли профилактические беседы: «Зачем вы туда пошли, вам, что, больше всех надо?» Иногда накапливался просто материал для уголовного какого-то дела.

Но самое главное, если говорить о митингах и демонстрациях — это, конечно, наличие уголовной статьи. С сентября 1966 года мы имеем в Уголовном кодексе статью 190–3 — «организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных учреждений и предприятий» — до трех лет лагеря.

На самом деле, там были записаны в числе санкций и исправительные работы, и даже штраф до ста рублей — но я не помню ни одного приговора по 190–3, где применялся бы штраф или исправительные работы: только лагерный срок от полугода до трех. Был один случай (демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года), когда они объявили, что из гуманности дают трем из пяти подсудимых наказание «ниже низшего предела» — и дали им три, четыре и пять лет ссылки соответственно, вместо лагеря.

Сама по себе эта 190–3 не так часто применялась. По статистике Минюста, с 1966 по 1987, когда ее перестали применять (а окончательно ее отменили весной 1993-го), по ней было осуждено всего 554 человека. И сажали по ней в основном «в букете» с другими статьями: главным образом вместе со ст.190–1 — это «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». Ну, понятно: человек поднял на митинге плакат или лозунг, или речь произнес. Но бывало, что ст.1903 применяли и в букете с другими статьями, например, со ст.206 — «хулиганка»: то есть вас обвиняют в том, что вы кого-то

толкнули, или сопротивлялись дружинникам или милиции.

Самый первый зафиксированный случай применения этой статьи в РСФСР — это митинг 22 января 1967 года на Пушкинской площади в Москве (в Белоруссии каких-то троих уже в 1966 успели осудить, если верить сводкам Минюста, — но я о них ничего не знаю). Там было арестовано пять человек, и четверых из них осудили — по этой статье вкупе со ст.190–1. Пять человек — это Владимир Буковский, Вадим Делоне, Евгений Кушев, Виктор Хаустов и Илья Габай. Габая в июне отпустили, продержав четыре месяца в тюрьме, Хаустова судили и дали три года, Буковскому тоже дали три года, Делоне и Кушеву — условный срок. Но что интересно? Это был митинг протеста против введения в Уголовный кодекс вот этих самых 190-х статей — 190–1, 190–2 («надругательство над флагом и гербом»), 190–3. Ну, там и другие лозунги были, но этот был одним из основных. Против каких статей протестовали, по тем и осудили. Это очень интересно и поучительно, может быть, и для сегодняшнего времени.

Так что то, что сегодня принято Думой, пока только в первом чтении, — просто возвращает нас на круги своя.

Из ответов на вопросы

Какая была мера общественной поддержки задержанным?

Мера общественной поддержки была, прежде всего, то, что сейчас называется «информационным мониторингом»: старались выяснить, кто задержан, где сидит, и это имело двойное значение. Во-первых, это информационный мониторинг и придание гласности, а во-вторых, конкретная помощь, потому что если человека посадили на пятнадцать суток, то ему можно передачу принести и так далее. Никакой формальной организации, Фонд помощи политзаключенных «суточниками», по-моему, не занимался; ему и без того дела хватало. Просто люди — не только родственники — вместе собирали передачи,.

В каком контексте этот закон был принят в 1966 году?

У них были большие проблемы с 70-й статьей, то есть бывшей 58–10. У них были большие проблемы, которые они чувствовали еще с начала 1950-х годов. Они толком не понимали, как все-таки (особенно после 1956 года, когда у нас после сталинского произвола должно было наступить торжество социалистической законности) — но сажать-то

надо этих антисоветчиков все равно! А вот как их сажать и одновременно соблюдать торжество социалистической законности? Очень трудно. Потому что, во-первых, сроки очень большие по 70-й статье до семи лет, а при рецидиве — до десяти.

Есть статья для антисоветчиков, крутых. Там что было написано, в этой 70-й статье? Что она применяется к людям, чьи действия направлены на подрыв или ослабление советского строя. А как докажешь, на что действие было направлено? Во-первых, не докажешь, что действия были направлены на подрыв или ослабление советского строя. А во-вторых, а если и не направлено? Если он говорит, что он его, наоборот, укрепить хотел своими действиями? Может, он и вправду так думает — как проверить? А посадить его всего равно надо. Тогда они сделали как бы два канала: один — для заядлых «антисоветчиков», профессиональных, матерых, и оставили для них эту 70-ю статью, и по ней в политлагеря шли, это особая история. А другая статья была вот эта 190-прим, она для тех, кто случайно поклеветал на советскую власть, но не имел в виду ничего дурного. И им три года давали. 190-я «разгрузила» 70-ю статью для более

серьезных случаев. Так что это было не смягчение, но диверсификация.

Люди, между прочим, сильно колебались, что лучше — сесть по 70-й или по 190-й. Потому что по 190-й вы, конечно, три года сидите максимум, зато в уголовном лагере. А по 70-й вы можете и на семь лет загреметь, но сидеть в политлагере, среди своих, оно легче немножко. Хотя и режим строже.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

закон о митингах 2014 года

Ужесточение законодательства за повторное нарушение порядка проведения публичных мероприятий.

